

Опыт осмысления турецкой проблемы византийскими авторами второй половины XV в.

Османская угроза, довлевшая над Византией в последнее столетие существования империи, подверглась глубокому осмыслению в византийской литературе. Зачастую турецкая тема была едва ли не центральной в сочинениях византийских авторов первой половины XV в., которые стремились объяснить причины возвышения своих восточных соседей¹. После же падения империи греческие писатели пытались объяснить причины османских успехов и поражений византийцев. Порой их взгляд на турецкую проблему был скорее философским – авторы старались исторически обосновать турецкое завоевание Византии и вписать историю Османского государства в концепцию смены империй с неизбежной сменой цивилизационных лидеров.

В настоящем исследовании внимание будет уделено не столько пространным рассуждениям «поствизантийских» писателей об изменчивости судьбы и Божественном провидении², сколько их отношению к перспективе сосуществования с завоевателями, основанному на личном опыте взаимодействия с турками.

Наиболее информативными в этом плане являются сочинения тех авторов, которые после завоевания Византии продолжили литературную деятельность при султанском правительстве – Георгия Сфрандзи, Михаила Критовула, Георгия Амирутци.

Сфрандзи приводит точные и ясные сведения о событиях, свидетелем которых он являлся. Писатель всю сознательную жизнь провел при императорском дворе Иоанна VIII и Константина XI Палеолога, часто выполняя посольские и дипломатические миссии³.

Георгий Сфрандзи не уделяет никакого внимания ни религиозным, ни этническим особенностям турок. К примеру, из его рассуждений относительно планируемого брака императора Константина XI с сербской княжной Марой, вдовой султана Мурада II, следует,

¹ Куц Т.В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 323.

² См.: Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) // ВВ. 1983. Т.43. С. 31-33; Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976. С. 104-123; Turner C.J.G. Pages from late Byzantine Philosophy of history // ВЗ. 1964. Vol.57. P. 352-365.

³ См.: Поляковская М.А., Чекалова А.А. Интеллектуалы и власть в Византии / Поляковская М.А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 109-132; Miller W. The Historians Doukas and Phrantzes / JHS. 1926. Vol. 46. Part 1. P. 63-71.

что автор не видел ничего предосудительного в женитьбе его господина на женщине, бывшей прежде женой турка-мусульманина. Сфрандзи поясняет, что ее предыдущий брак не может помешать этому союзу, тем более что Мара, по словам автора, была женой «такого великого господина и, как я слышал, с ним не жила»⁴. Таким образом, Сфрандзи, руководствуясь практическими соображениями, игнорирует религиозные и этнические аспекты первого брака, и не видит в них препятствие для заключения союза Константина с сербской княжной. В целом, во всем сочинении Георгия Сфрандзи практически не нашлось места обсуждению межэтнических разногласий.

Однако Георгий пережил большую личную трагедию⁵, что сказалось на его характеристике турок. После взятия Константинополя его жена и дети попали в плен и были проданы старшему конюшему султана, а затем выкуплены самим султаном. Его четырнадцатилетний сын был вскоре казнен за попытку убийства Мехмеда II, а дочь умерла от чумы. Эти потери глубоко ранили сердце бывшего царедворца. Неудивительно, что Сфрандзи называет султана «первейшим и самым безжалостным из нечестивцев»⁶, а турок-«творцами зла»⁷

Но, несмотря на порой откровенно враждебное отношение Сфрандзи к захватчикам его родины, автор как-то отметил, что его «жена и дети были взяты в плен старыми и добрыми турками»⁸. Для него – это, несомненно, враги, принесшие много бед его родине, но в то же время они предстают в интерпретации автора соседями, порой даже партнерами, которые помимо отрицательных качеств имеют также и некоторые достоинства.

Другой историк Михаил Критовул также принимал деятельное участие в политической жизни страны⁹. Будучи приверженцем турок, он позднее получил по воле султана пост наместника Имвроса¹⁰.

Под «приверженцем» мы подразумеваем то, что этот автор традиционно позиционировался исследователями как туркофил. Феномен туркофилии принято понимать

⁴ См.: Γεώργιος Φρανζής. Χρονικόν Μικρόν // PG. Vol. 156. XXXI: Col. 1054.

⁵ Куш Т. В. Византийская интеллектуальная среда (конец XIV-XV в.): Опыт характеристики // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 134.

⁶ Γεώργιος Φρανζής. Χρονικόν Μικρόν... Col. 1061-1064.

⁷ Ibid. XXXIX, Col. 1066.

⁸ Ibid. XXXV, Col. 1061.

⁹ Reinsch D. R. Kritoboulos of Imbros – Learned Historian, Ottoman Raya and Byzantine Patriot // ЗРВИ. XL. 2003. P. 297-311.

¹⁰ Погодин П. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками // ЖМНП. 1889. Вып. 264. С. 216.

как политическую ориентацию, возникшую в противовес латинофильству¹¹. З. В. Удальцова отмечала, что на сближение с турками писателей толкали «своекорыстные личные мотивы»¹², связанные с их стремлением получить выгодные должности и завоевать доверие османского султана. Однако исследователь М. Баливе убежден, что к такому жестокому выбору византийских мыслителей толкала возможность продолжать профессиональную интеллектуальную деятельность¹³. Именно в этом мы видим причину протурецкой направленности сочинений Критовула и Амирутци.

Критовул, в отличие от многих современников, расценивал турецкое завоевание империи не как высшее зло, а как естественный ход событий. Он пишет, что «ничто не могло удержать василевса (во всем тексте султан именуется василевсом – Н.Ж.); он больше не хотел оставаться в бездействии, решил как можно скорее захватить и разрушить Константинополь. К этому его побуждали и божественные знамена, прорицания, предсказания и пророчества»¹⁴.

Невозможно проследить отношение Критовула к исламу, а также к его представителям, поскольку автор старательно замалчивает обстоятельства турецких бесчинств в отношении христиан, избегает оценок турок как «неверных», не подвергает критике их религиозные обычаи и нравы. Даже рассуждая о разграблении церквей и поругании церковных служителей, писатель лишь сообщает сами факты, никак не оценивая их.

В результате Критовул оказался изменником-ренегатом не только в глазах современников, но и в глазах потомков, и стал едва ли не самым известным туркофилом в истории Византии, что, на наш взгляд, не совсем справедливо. Даже все пышные эпитеты, используемые Критовулом в сочетании с именем Мехмеда, не способны убедить читателя в истинной симпатии автора к туркам – историк сохраняет преданность своему народу и остается, по словам С. Рансимена, «честным, непредвзятым и убедительным автором»¹⁵.

Однако Критовул подвергся меньшей критике со стороны исследователей, нежели другой известный туркофил – Георгий Амирутци, который больше других прослыл

¹¹ Шукуров Р. М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое. Опыты преодоления. Очерки из истории и культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 197.

¹² Удальцова З. В. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания, по данным византийского историка Критовула // СВ. 1951. Вып. 3. С. 161-162.

¹³ Balivet M. Aristote au service du Sultan! Ouverture aux Turcs et Aristotélisme chez quelques penseurs byzantins du quinzième siècle / Byzantins et Ottomans: relations, interactions, succession. Istanbul, 1999. P. 150.

¹⁴ Critobuli Imbriotae Historiae / ed. D.R. Reinsch / CFHB, Vol. XXII. Berlin, 1983. S. 37.

¹⁵ См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. / Пер. с англ., предисл. И.Н. Петросяна, К.Н. Юзбашьяна. М., 2008. С. 170.

изменником и ренегатом за свои симпатии османскому правителю. Именно за избыточное восхваление султана и преклонение перед ним Амирутци порицали многие современники¹⁶.

Он родился в Трапезунде и получил прекрасное образование. В 1437 г. был протонотарием, затем получил должность протовестиария в Трапезунде¹⁷, однако именно при его содействии в 1461 г. город был сдан¹⁸. После этого он до своей смерти в 1470 г. жил при султанском дворе и имел хорошую репутацию благодаря своим ученым занятиям¹⁹.

Критовул в своем сочинении упоминал Амирутци, называя его «великим философом, обладающим энциклопедическими знаниями, к тому же оратором и поэтом», о котором султан узнал и, впечатленный его мудростью, пригласил служить при своем дворе²⁰.

В своих стихотворениях Амирутци, как и Критовул, считает Мехмеда наследником (κληρονόμος) и преемником византийских императоров, называя султана «владыкой ойкумены» (ἄναξ τῆς οἰκουμένης) и «василевсом эллинов» (Ἑλλήνων βασιλεύς)²¹. Но стоит подчеркнуть, что здесь имеет место распространенное клише, без использования которого обращение к правителю было бы невозможно²².

Несмотря на истовое стремление автора угодить султану, которому он служил, мы находим свидетельства, подтверждающие вынужденность такого шага. Любопытной иллюстрацией идеологической позиции философа является письмо его друга Михаила Апостолиса²³, в котором автор хвалит Амирутци, за то, что тот предпочел жизнь смерти, приняв со своими сыновьями ислам²⁴. «Для тебя было нетрудно, – пишет Апостолис, – притвориться, будто ты следуешь турецкой вере, оставаясь при этом тем же (христианином – Н.Ж.). И пусть это кажется предосудительным некоторым людям – пусть даже таких большинство – те же, кто знают причины того, не увидят в этом ничего, что бы заслуживало

¹⁶ Tomadakis N. B. Ἐτοῦρκευσεὺς ὁ Γεωργίος Ἀμιρούτζη // ΕΕΒΣ. 1948. Т. 18. Р. 104-106.

¹⁷ Карпов С.П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци // ВИ. 1991. № 6. С. 196.

¹⁸ Vacalopoulos A. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204-1461. New Jersey, 1970. Р. 195-197, 225-227.

¹⁹ Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre // Philomathestatos: Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday. Leuven, 2004. Р. 297-298.

²⁰ Critobuli Imbriotae Historiae... S. 165-166.

²¹ Lampros S. Ποιήματα Γεωργίου τοῦ Ἀμιρούτζη // ΔΙΕΕ. 1885. Т. 2. Р. 275-282. Р. 280; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre... Р. 321.

²² Куц Т.В. На закате империи... С. 330.

²³ Frangedaki A. On fifteenth-century Cryptochristianity: A Letter to George Amoiroutzes from Michael Apostolis // Byzantine and Modern Greek Studies. 1984. Vol. 9. Р. 221-224.

²⁴ Факт принятия ислама Георгием Амирутци спорен.

порицания»²⁵. Исследовательница А. Франгедаки находит в этих словах доказательство существования криптохристианских тенденций в Византии во второй половине XV в.²⁶, что, возможно, свидетельствует о мнимой туркофилии предприимчивого Амирутци. Если принять к сведению сообщение Апостолиса, то можно понять мотивы, которыми руководствовался Амирутци в условиях жизненного выбора и взглянуть на его идейную и религиозную позицию под другим углом.

Таким образом, для византийских авторов второй половины XV в. турецкая победа представлялась свершившимся фактом, с которым следовало смириться и принять. Несомненно, на восприятие византийцами этой проблемы оказывал влияние весь предыдущий ментальный опыт осмысления турецкой опасности и религиозной инаковости турок, который, однако, не всегда имел исключительно негативное звучание. Влиял и реальный опыт контактов с турецким миром, который не был столь однозначно плохим. Писатели, о которых шла речь выше, относились к турецкой угрозе глубоко философски: империю уже не спасти, осталось лишь смириться перед завоевателями и найти способ сосуществовать с османами. Исследователь М. Баливе определяет этих писателей как представителей той части византийских интеллектуалов, кто, «отказавшись от бегства на христианский Запад, согласился занять официальное место в новом мусульманском обществе в обмен на уважение их религиозной инаковости и греко-христианского культурного своеобразия»²⁷.

²⁵ *Lettres Inédites de Michel Apostolis / publiées par H. Noiret. Paris, Thorin, 1889. P. 83.*

²⁶ *Frangadaki A. On fifteenth-century Cryptochristianity... P. 223.*

²⁷ *Balivet M. Pour une concorde islamo-chrétienne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen Âge. De Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde, Istituto de Studi Arabi et d'Islamistica, Rome, 1997. P. 24.*